

Фергюсон — самый яркий британский историк своего поколения. **THE TIMES**

Нил Фергюсон
Цивилизация

Чем Запад отличается от остального мира

Corpus

Ниал Фергюсон

**Цивилизация. Чем Запад
отличается от остального мира**

«Corpus (АСТ)»

2011

УДК 008(4)
ББК 71.05

Фергюсон Н.

Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира /
Н. Фергюсон — «Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-102035-4

В начале XV века мир заметно отличался от нынешнего. Нас поразили бы контраст между могущественной Азией и страдающей от голода, убоиц и эпидемий Европой, между анархической Северной Америкой и империями Центральной и Южной Америки. Мысль о том, будто Запад способен доминировать в мире – в военном, экономическом или в культурном отношении, – тогда показалась бы странной. Тем не менее следующие полтысячи лет западные страны задавали тон. Скандально известный британский историк восстанавливает «рецепт успеха» Запада и задается вопросом, стоит ли в наши дни говорить о его «закате». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 008(4)
ББК 71.05

ISBN 978-5-17-102035-4

© Фергюсон Н., 2011
© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предисловие к британскому изданию	6
Введение	15
Глава 1	28
Две реки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нил Фергюсон
Цивилизация
Чем Запад отличается от остального мира
Посвящается Айаан

Предисловие к британскому изданию

Я пытаюсь вспомнить, где и когда я впервые задал себе тот вопрос: в 2005 году в Шанхае, гуляя по набережной Вайтань? Или в 2008 году в задымленном, пыльном Чунцине, пытаюсь вслед за местным функционером-коммунистом увидеть в огромной куче щебня финансовую Мекку Юго-Западного Китая? Или это случилось в 2009 году в Карнеги-холле? Я сидел, загипнотизированный музыкой Энджел Лам – ослепительно талантливой молодой китайской композиторши, олицетворяющей “ориентализацию” классики. Да, вероятно, на исходе первого десятилетия XXI века я ясно понял: западному могуществу, длившемуся 500 лет, пришел конец.

И вот он, вопрос, кажущийся мне наиболее интересным из стоящих перед историками нового времени: почему примерно с 1500 года горстка маленьких государств на западной окраине Евразии стала повелевать остальным миром, в том числе густонаселенными, развитыми странами Восточной Евразии? А если мы сможем найти убедительное объяснение господства Запада, то сможем ли предсказать его будущее? Действительно ли мы наблюдаем новый расцвет Востока? Неужели мы стали свидетелями конца эпохи, когда большая доля населения планеты в той или иной степени подчинялась цивилизации, возникшей в Западной Европе в эпоху Ренессанса и Реформации, движимой научной революцией и Просвещением, шагнувшей до самых островов Антиподов и достигшей вершины могущества в век революций, промышленности и империй?

Само по себе то, что возникают подобные вопросы, кое-что говорит о первом десятилетии XXI века. Я родился и вырос в Шотландии, учился в частной школе “Академия” в Глазго и в Оксфордском университете. В возрасте 20–30 лет я думал, что сделаю академическую карьеру в Оксфорде или Кембридже. Впервые я задумался о переезде в США, когда Генри Кауфман, ветеран Уолл-стрит, известный своей помощью Бизнес-школе им. Леонарда Стерна (Нью-Йоркский университет), спросил у меня: почему бы человеку, интересующемуся историей денег и власти, не отправиться туда, где средоточие денег и власти? В начале нового тысячелетия Нью-Йоркская фондовая биржа, несомненно, была сердцем глобальной экономической сети, построенной по американскому проекту и принадлежащей преимущественно Америке. “Пузырь” доткомов лопнул, а демократы из-за рецессии потеряли Белый дом как раз тогда, когда их обещание покрыть государственный долг показалось почти выполнимым. Но всего через 8 месяцев после того, как Джордж У. Буш стал президентом, произошел случай, изменивший положение Манхэттена в том мире, в котором доминирует Запад. Террористы из “Аль-Каиды”, 11 сентября 2001 года разрушившие Всемирный торговый центр, сделали Нью-Йорку чудовищный комплимент. Башни ВТЦ были бы целью № 1 для любого, кто решил всерьез бросить вызов западному господству.

Дальнейшие шаги американцев были продиктованы гордыней. В Афганистане разгромили Талибан. “Ось зла” стала мишенью для насильственной “смены режима”. В Ираке свергли Саддама Хусейна. “Токсичный техасец” [Джордж У. Буш], рейтинг которого взлетел, близок к переизбранию. Американская экономика приходит в норму благодаря снижению налогов. “Старая Европа”, не говоря уже о либеральной Америке, кипит от бессильной злости. Очарованный всем этим, я много читал и писал об империях, в особенности об уроках, которые Британская империя может преподать Америке. Результатом стала книга “Империя” (2003)*. Когда я размышлял над возвышением, господством и возможным упадком Американской империи, мне стало ясно, что у нее 3 недостатка: 1) дефицит людских ресурсов (недостаточное военное присутствие в Афганистане и Ираке); 2) дефицит внимания (недостаточное воодушевление в обществе по поводу долгосрочной оккупации завоеванных стран); 3) финансовый дефицит

* Рус. пер.: Фергюсон Н. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ: CORPUS, 2013. – Прим. ред.

(сбережений недостаточно по сравнению с капиталовложениями, а доходов от налогообложения недостаточно по сравнению с государственными расходами).

В книге “Колосс: возвышение и крах Американской империи” (2004) я указывал: США незаметно для себя пришли к тому, что вынуждены опираться на восточноазиатский капитал для поддержания платежного и бюджетного баланса. Поэтому причинами упадка и разрушения неформальной Американской империи могут стать не террористы и не спонсировавшие последних “государства-изгои”, а финансовый кризис в сердце империи. В конце 2006 года, когда мы с Морицем Шулариком придумали слово “Кимерика” – намек на химеру – для опасно нежизнеспособной, по нашему мнению, связи бережливого Китая и расточительной Америки, мы определили один из симптомов грядущего мирового финансового кризиса. Ведь если американским потребителям не были бы легко доступны дешевая китайская рабочая сила и дешевый китайский капитал, “пузырь” 2002–2007 годов не был бы настолько крупным.

Статус Америки как “гипердержавы” за время президентства Джорджа У. Буша был поставлен под сомнение дважды. Впервые Немезида явилась американцам на задворках Садра и в долинах Гильменда, где стали очевидны не только пределы возможностей американской армии, но и, что еще важнее, наивность неоконсерваторов, ожидавших демократического подъема на Большом Ближнем Востоке. Второй удар нанесло превращение кризиса субстандартного ипотечного кредитования (2007) в кредитный кризис (2008), в свою очередь перетекший в Великую рецессию (2009). После банкротства “Леман бразерз” ложные истины “Вашингтонского консенсуса” и “великой умеренности” (эквиваленты “конца истории” для центральных банков) были обречены на забвение. Вернулся призрак Великой депрессии.

Что пошло не так? С середины 2006 года я указывал в ряде статей и лекций, и особенно в книге “Восхождение денег” (опубликована в ноябре 2008 года*, когда кризис был в разгаре), что основные элементы международной финансовой системы катастрофически ослаблены. В качестве причин я называл: увеличение краткосрочной задолженности на балансе банков; неверную оценку и завышение стоимости ценных бумаг, обеспеченных залогом недвижимости, других структурированных финансовых услуг; слабую кредитно-денежную политику Федеральной резервной системы; ипотечный “пузырь”, появление которого имеет политическую подоплеку; неограниченную продажу фиктивных “страховых полисов” – деривативов, – якобы защищающих от неопределенности, а не от поддающихся количественному выражению рисков. Глобализация финансовых институтов западного происхождения, как предполагалось, ознаменовала начало новой эпохи снижения экономической нестабильности. Взгляд в прошлое мог бы помочь предвидеть, как старомодный кризис ликвидности может разрушить шаткое здание финансового левереджа.

Опасность повторения Великой депрессии отдалилась после лета 2009 года, хотя и не исчезла совсем. Мир, однако, переменялся. Ожидалось, что коллапс мировой торговли, вызванный финансовым кризисом (тогда вдруг исчезли кредиты, необходимые для финансирования импорта и экспорта), может разрушить экономику азиатских стран: они, как считалось, зависели от экспорта на Запад. Однако в Китае было отмечено лишь некоторое замедление роста – благодаря очень эффективной государственной программе стимулирования, основанной на расширении кредита. Этого замечательного хода ожидали немногие. Несмотря на явные трудности в управлении экономикой страны с населением 1,3 миллиарда человек (будто это гигантский Сингапур), существует большая, чем сейчас (в декабре 2010 года), вероятность того, что промышленная революция в Китае продолжится и что через 10 лет его ВВП сравнится с ВВП США, как в 1963 году Япония догнала Великобританию.

Преыдущие полтысячелетия Запад обладал неоспоримым преимуществом. Разрыв в доходах Запада и Китая начал проявляться уже после 1600 года и расширялся по крайней мере

* Рус. пер.: Фергюсон Н. *Восхождение денег*. М.: Астрель: CORPUS, 2010. – Прим. ред.

до конца 70-х годов XX века. С тех пор он удивительно быстро сокращается. Финансовый кризис побуждает меня сформулировать вопрос: есть ли предел могуществу Запада?

Теперь поговорим о методологии истории. (Нетерпеливые читатели могут перейти прямо к “Введению”.) У меня твердое впечатление, что наши современники мало обращаются к покойникам. Я гляжу, как растут трое моих детей, и мне кажется, что они знают историю хуже, чем я в их возрасте, – но не потому, что у них плохие учителя, а из-за плохих учебников и еще худших экзаменов. Когда я наблюдал за течением финансового кризиса, я понял, что это тенденция: лишь горстка сотрудников западных банков и министерств финансов имеет сравнительно ясное представление о Великой депрессии (1929–1933). Уже около 30 лет в западных школах и университетах дают гуманитарное образование, не предполагающее знания истории. Школьники и студенты изучают “модули”, а не исторический нарратив, тем более не хронологию. Их учат шаблонному анализу выдержек из документов, а не умению читать много и быстро. От них ждут сочувствия к воображаемым римским центурионам или жертвам Холокоста, а не рассуждений о том, почему и как те попали в соответствующие обстоятельства. Сценарист “Любителей истории” (*The History Boys*) Алан Беннетт предложил “трилемму”: следует ли преподавать историю методом рассуждений от противного, или связывать ее с Истиной и Красотой прошлого, или представлять ее просто как “одну херню, случавшуюся за другой”? Беннетт, очевидно, не понимал, что нынешним школьникам предлагают из вышеупомянутого в лучшем случае разрозненный набор этой самой “херни”.

Прежний президент университета, в котором я преподавал, однажды признался, что, когда он был студентом Массачусетского технологического института, мать попросила его записаться по крайней мере на один курс истории. Блестящий молодой экономист ответил, что сильнее интересуется будущим. Теперь он понимает, что это иллюзия. Нет “будущего” – есть лишь “будущие”. Существуют различные интерпретации истории, и ни одна из них не является единственно верной. А вот прошлое у нас одно, и без него невозможно понять настоящее, а также будущее. Тому есть две причины. Во-первых, нынешнее население мира составляет около 7% когда-либо живших на планете людей. Иными словами, мертвые превосходят живых в пропорции 14:1, и опасно игнорировать их опыт. Во-вторых, прошлое – единственный надежный источник знаний о мимолетном настоящем и многочисленных сценариях будущего, лишь один из которых реализуется. История – не только то, как мы изучаем прошлое, но и то, как мы изучаем само время.

Историки – не ученые. Они не могут (и не должны даже пытаться) выводить универсальные законы социальной или политической “физики”, обладающие надежной предсказательной силой. Почему? Да потому, что нет возможности повторить многотысячелетний “эксперимент” человечества. “Частицы” в этом громадном эксперименте обладают сознанием, притом подверженном когнитивному искажению, то есть их поведение предсказать труднее, чем поведение неодушевленных подвижных частиц. Среди странностей жизни есть и такая: люди со временем научились почти инстинктивно учитывать свой опыт. Их поведение адаптивно. Мы не блуждаем беспорядочно, а идем проторенной дорогой, и то, с чем мы столкнулись прежде, определяет наш выбор в будущем, когда мы оказываемся на развилке. Это происходит снова и снова.

А что *могут* историки? Во-первых, подражая обществоведам и полагаясь на количественные данные, они могут вывести “общие законы”, которые, согласно Карлу Гемпелю, объясняют большинство исторических событий (например, если место демократического лидера занимает диктатор, то увеличивается вероятность того, что данная страна развяжет войну). Или же историк может “общаться с мертвыми”, реконструируя их опыт так, как описал великий оксфордский философ Робин Дж. Коллингвуд в своей “Автобиографии” (1939). Два указанных метода исторического познания позволяют нам превращать реликты прошлого в историю:

совокупность знаний и интерпретацию, ретроспективно упорядочивающую и объясняющую ситуации, в которые попадал человек. Любое серьезное прогностическое высказывание, в справедливости которого мы можем убедиться на опыте, неявно или явно основано на одном из этих двух (или обоих сразу) исторических методах. В противном случае его следует поставить в один ряд с гороскопом в утренней газете.

Коллингвуд, после бойни Первой мировой войны разочаровавшийся в естествознании и психологии, желал создать историю нового типа. Он отверг метод “ножниц и клея”, при котором автор лишь повторяет “в различной аранжировке, пользуясь декорами разных стилей, то, что сказано до него другими”. Ход мысли Коллингвуда достоин реконструкции*.

а) “Прошное, которое изучает историк, является не мертвым прошлым, а прошлым, в некотором смысле все еще живущим в настоящем” в форме следов (документов и артефактов).

б) “Вся история представляет собой историю мысли” в том смысле, что объекты, если не может быть установлено их назначение, не могут служить историческими свидетельствами.

в) Реконструкция требует прыжка сквозь время: “Историческое знание – воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает”.

г) При этом “историческое знание – это воспроизведение прошлой мысли, окруженной оболочкой и данной в контексте мыслей настоящего. Они, противореча ей, удерживают ее в плоскости, отличной от их собственной”.

д) Историк “может принести очень большую пользу неисторику, как хорошо обученный лесник невежественному путнику. ‘Здесь ничего нет, кроме деревьев и травы’, – думает путник, и продолжает идти. ‘Взгляни-ка, – говорит лесник, – там в зарослях тигр’”. Другими словами, история предлагает нечто “совершенно отличное от [научных] правил, а именно внутреннее проникновение в явление”.

е) Истинная функция исторического “внутреннего проникновения в явление” заключается в том, чтобы “говорить людям о настоящем постольку, поскольку прошлое, очевидный предмет истории, скрыто в настоящем и представляет собой его часть, не сразу заметную для нетренированного глаза”.

ж) Что касается выбора нами предмета исторического исследования, то Коллингвуд считает, что нет ничего плохого в том, что его современник из Кембриджа Герберт Баттерфилд осудил как “озабоченность настоящим”: истинные “исторические проблемы связаны с практическими проблемами. Мы изучаем историю для того, чтобы нам стала ясней та ситуация, в которой нам предстоит действовать. Следовательно, плоскость, где, в конечном счете, возникают все проблемы, оказывается плоскостью ‘реальной’ жизни, а история – это та плоскость, на которую они проецируются для своего решения”.

Коллингвуд – знаток и археологии, и философии, решительный противник политики умиротворения [Гитлера] и ненавистник “Дейли мейл”*, – много лет был моим поводырем. Но никогда я не нуждался в его руководстве так остро, как во время сочинения этой книги. Ведь вопрос о причинах краха цивилизаций слишком важен, чтобы оставлять его мастерам “ножниц и клея”. Это практическая проблема нашего времени, и я хочу, чтобы моя книга стала справочником лесника: ведь в этих зарослях множество тигров.

* Пер. Ю. Асеева. – Прим. пер.

* Коллингвуд называл ее “первой английской газетой, для которой слово ‘новости’ утратило прежнее свое значение – фактов, которые следует узнать читателю... и приобрело новое значение – фактов или выдумок, которые могли бы развлечь читателя”.

Реконструируя мысль прошлого, я старался помнить то, о чем склонны забывать люди, плохо знающие историю: большинство наших предшественников умерли молодыми либо ждали, что умрут молодыми, а те, кто прожил дольше, не раз теряли любимых. Мой любимый поэт Джон Донн, гений эпохи Якова I, прожил 59 лет (на 13 лет больше, чем мне сейчас). Адвокат, член парламента и (после отречения от католической веры) англиканский священник, Донн по любви (и тайно) женился на племяннице лорда-хранителя королевской печати Томаса Эджертона, чьим секретарем состоял. И после того, как тайна была раскрыта, потерял эту должность*. За 16 лет жизни в нищете Анна Донн родила 12 детей (трое – Фрэнсис, Николас и Мэри – умерли, не достигнув возраста 10 лет) и умерла родами (последний, двенадцатый, ребенок родился мертвым). После того, как умерла Люси, любимая дочь поэта, а сам он едва не последовал за нею в могилу, Донн написал “Обращения к Господу в час нужды и бедствий” (1624):

“Смерть каждого человека умяет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе”*. Три года спустя смерть близкого друга вдохновила Донна на сочинение “Вечерни в день Св. Люции, самый короткий день в году”:

Влюбленные, в меня всмотритесь вы
В грядущем веке – в будущей весне:
Я мертв. И эту смерть во мне
Творит алхимия любви;
Она ведь в свой черед —
Из ничего все вещи создает:
Из тусклости, отсутствия, пустот...
Разъят я был. Но, вновь меня создав,
Смерть, бездна, тьма сложились в мой состав*.

Эти строки следует прочесть всякому, кто желает знать, как жилось во времена, когда продолжительность жизни была более чем вдвое меньше нынешней.

Смерть могла забрать человека в расцвете сил, и мысль эта отравляла существование. Это означало также, что большинство “строителей цивилизаций” в пору своих свершений были молодыми. Великий голландско-еврейский философ Спиноза (предположивший, что существует лишь вселенная, состоящая из материальной субстанции и связанная причинной обусловленностью, а Бог – это естественный порядок, который мы смутно ощущаем, и ничего больше) умер в 1677 году в возрасте 44 лет – вероятно, от пыли, которую вдыхал, шлифуя оптические линзы (так он зарабатывал на жизнь). Блез Паскаль – основоположник теории вероятностей и гидродинамики, автор “Мыслей”, величайшей из апологий христианства, – прожил 39 лет (он мог погибнуть и раньше, если бы дорожное происшествие, которое вновь пробудило у него интерес к религии, оказалось фатальным*). Кто знает, какие еще великие дела могли свершить эти гении, если бы они прожили столько же, сколько, например, великие гуманисты Эразм Роттердамский (69 лет) или Монтень (59 лет)? Моцарт, автор “Дон Жуана” – прекраснейшей из опер, – умер в возрасте 35 лет. Франц Шуберт, сочинивший потрясающий струнный квинтет до мажор (D956), погиб (вероятно, от сифилиса) в 31 год. Они были плодовитыми

* После того, как Донн побывал в заключении за то, что он бросил вызов ее отцу, она заметила: “Джон Донн – Анна Донн – погублены”. [Пример омонимии: *Anne Donne – Un-done*. – Прим. пер.] Неудивительно, что он любил ее.

* Пер. А. Нестерова. – Прим. пер.

* Пер. Д. Щедровицкого. – Прим. пер.

* В ноябре 1654 года экипаж, в котором ехал Паскаль, чудом не упал с моста в реку. – Прим. пер.

авторами, однако можно только гадать, что еще они сочинили бы, если бы им были отпущены 63 года, которые прожил вялый Иоганнес Брамс, или 72 года, доставшиеся тяжеловесному Антону Брукнеру? Шотландский поэт Роберт Бернс, в “Честной бедности” лучше всех сумевший выразить идею эгалитаризма, умер в 1796 году в возрасте 37 лет. Какая несправедливость: поэта, сильнее всех презиравшего родовые почести (“Богатство – // Штамп на золотом, // А золотой – // Мы сами!”*), пережил поэт, которого почести действительно заботили – лорд Альфред Теннисон. Он умер в возрасте 83 лет. “Золотая сокровищница” Пэлгрейва* была бы куда лучше, если бы в ней было побольше Бернса и поменьше Теннисона. А как картинные галереи отличались бы от нынешних, если бы сверхстарательный Ян Вермеер прожил 91 год, как сверхплодовитый Пабло Пикассо, а тот, напротив, умер в 39 лет!

Политика – тоже своего рода искусство. Это ничуть не менее важная часть цивилизации, чем философия, опера, поэзия или живопись. Но, заметим, Авраам Линкольн – величайший американский автор политики – пал жертвой обуреваемого мелкой злобой убийцы, проработав всего один срок в Белом доме, спустя 6 недель после второй инаугурационной речи. Ему было 56 лет. Какой стала бы эпоха Реконструкции, если бы автор Геттисбергской речи, этот создавший себя титан, родившийся в бревенчатой хижине (и определивший американцев как “нацию, своим рождением обязанную свободе и посвятившую себя доказательству того, что все люди рождены равными”**, с “правительством из народа, созданным народом и для народа”), прожил бы столько же, сколько Франклин Д. Рузвельт – игрок в поло, а после разбитый полиомиелитом сановник, который благодаря медикам исполнял президентские обязанности почти 4 срока – до своей смерти в возрасте 63 лет?

Поскольку наша жизнь сильно отличается от жизни большинства людей прошлого (не только продолжительностью, но и комфортом), нам придется напрячь воображение, чтобы научиться понимать их. В книге великого экономиста и обществоведа Адама Смита “Теория моральных чувств”, написанной за полтора века до автобиографии Коллингвуда, приводится объяснение, почему в цивилизованном обществе нет “войны всех против всех”:

Так как никакое непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении. Вообразим, что такой же человек, как и мы, вздернут на дыбу – чувства наши никогда не доставили бы нам понятия о том, что он страдает, если бы мы не знали ничего другого, кроме своего благого состояния. Чувства наши ни в коем случае не могут представить нам ничего, кроме того, что есть в нас самих, поэтому только посредством воображения мы сможем представить себе ощущения этого страдающего человека. Но и само воображение доставляет нам это понятие только потому, что при его содействии мы представляем себе, что бы мы испытывали на его месте. Оно предупреждает нас в таком случае об ощущениях, которые родились бы в нас, а не о тех, которые испытываются им. Оно переносит нас в его положение*.

Конечно, именно это, по Коллингвуду, историк и должен делать. И мне хотелось бы, чтобы мой читатель поступал так же. Очень важно понять, что привело эту цивилизацию к удивительному процветанию, влиянию и могуществу. Однако понять это невозможно без симпатии. Это еще труднее сделать, если приходится восстанавливать мысли людей, принадлежа-

* Пер. С. Маршака. – *Прим. пер.*

* Популярная антология английской поэзии (1861). – *Прим. пер.*

* Пер. П. Палажченко. – *Прим. пер.*

* Пер. П. Бибикина в ред. А. Грязнова. – *Прим. пер.*

щих к другим цивилизациям, покоренных Западом или подчиненных ему: ведь они столь же важные действующие лица драмы. Это не история Запада, а история мира.

В словарной статье 1959 года французский историк Фернан Бродель определил цивилизацию так:

Прежде всего, это пространство, “культурный ареал”... место. Наряду с местом... следует представить себе большое разнообразие “материальных благ”, культурных характеристик, начиная с облика жилищ, материалов, из которых они построены, и кровли, до приемов, например оперения стрел, или диалекта (группы диалектов), кулинарных вкусов, специфической технологии, структуры верований, способов заниматься любовью... компаса, бумаги, печатного станка. Это – устойчивая совокупность, частота, с которой проявляются отдельные характеристики, их распространенность в пределах конкретной области [и] ... некоторое постоянство во времени.

Броделю лучше давалось описание структур, чем объяснение перемен. В наши дни говорят, что историки должны *рассказывать*. Эта книга представляет собой большую историю (метатекст о том, почему одна цивилизация, в отличие от предыдущих, преодолела все преграды) и в ее рамках множество малых историй – микро-историй. Однако возрождение искусства нарратива – лишь часть того, что нам необходимо. Важно задавать вопросы. “Почему Запад стал властвовать над остальным миром?” – вот вопрос, который требует чего-то большего, нежели просто изложения событий. Объяснение должно быть развернутым, подкрепленным фактами и выдерживать проверку вопросом: если бы Запад не имел указанных преимуществ, то правил бы он миром в силу какой-либо иной причины (которую я упустил из виду или недооценил)? Или мир оказался бы совершенно другим, с Китаем или какой-либо иной цивилизацией в роли лидера? Не стоит заблуждаться, будто исторические нарративы есть нечто большее, нежели подтасовка, сделанная задним числом. Нашим предкам западное господство отнюдь не казалось вероятнейшим из сценариев будущего. Исторические деятели рисовали себе картины разгрома чаще, чем хеппи-энд, известный современному читателю. История как жизненный опыт гораздо сильнее похожа на шахматную партию, чем на роман, и на футбол, чем на пьесу.

Ни один серьезный автор не станет утверждать, что поведение Запада было безупречным. Впрочем, кое-кто настаивает, будто он не принес *вообще ничего* хорошего. Это, конечно, абсурд. Как и все великие цивилизации, западная была двуликой: способной и на благородство, и на низость. Возможно, лучшая аналогия – двое враждующих братьев в “Частных записках и признаниях оправданного грешника” Джеймса Хогга (1824) или во “Владельце Баллантрэ” Роберта Л. Стивенсона (1889). Конкуренция и монополия, наука и суеверие, свобода и рабство, лечение и убийство, упорный труд и безделье: в каждом из этих случаев Запад порождал как благо, так и зло. Только, как в романах Хогга или Стивенсона, в конечном счете преуспевал лучший из двух братьев. Кроме того, нам нужно удерживаться от искушения пожалеть тех, кто проиграл. У цивилизаций, разгромленных Западом или преобразованных им посредством добровольных либо вынужденных заимствований, были недостатки. Самый очевидный – эти цивилизации не были способны обеспечить сколько-нибудь устойчивый материальный прогресс качества жизни людей. Трудность в том, что мы не всегда можем реконструировать ход мыслей этих незападных народов: не у всех была письменность. В конце концов, история – это прежде всего изучение цивилизаций, потому что в отсутствие письменных источников историк вынужден обращаться лишь к наконечникам копий и осколкам горшков, а они могут поведать очень немногое.

Французский историк и государственный деятель Франсуа Гизо сказал, что историю следует рассматривать “только как собрание материалов, подобранных для великой истории цивилизации рода человеческого”. Она должна перейти многочисленные границы, воздвигнутые учеными с их навязчивым стремлением к специализации: между экономической историей и историей социальной, военной историей, историей культуры, идей, политических учений, дипломатии. История цивилизации охватывает огромный массив времени и пространства, но книги, подобные этой, никак не могут заменить энциклопедии. Тем, кто будет жаловаться на неполноту изложения, я могу лишь процитировать джазового пианиста Телониуса Монка: “Не играйте всё (или всякий раз), позволяйте чему-нибудь ускользать... То, что вы не сыграете, может оказаться важнее, чем то, что сыграете”. Я согласен с ним и опускаю в книге много “нот” и “аккордов” – по вполне определенной причине. Отражает ли мой выбор взгляды шотландца средних лет, типичного бенефициара западного господства? Вполне возможно. Но я лелею надежду, что к моему выбору не отнесутся неодобрительно наиболее горячие и яркие защитники западных ценностей, этническое происхождение которых отличается от моего – от Амартии Сена до Лю Сяобо, от Эрнандо де Сото до той, кому посвящена эта книга*.

Книга, описывающая 600 лет всемирной истории, – непременно плод усилий многих людей, и я должен поблагодарить их за помощь. Я признателен сотрудникам следующих архивов, библиотек и учреждений: музея Альбера Кана, Бриджменской библиотеки по искусству, Британской библиотеки, Чарлстонского библиотечного общества, Национальной библиотеки Китая (Пекин), “Корбис”, Института им. Пастера (Дакар), Немецкого исторического музея (Берлин), Тайного государственного архива Фонда прусского культурного наследия (Берлин, Далем), “Гетти имиджес”, Гринвичской обсерватории, Музея военной истории (Вена), Национальной библиотеки Ирландии, Библиотеки Конгресса США, Музея истории Миссури, Музея Шмен-де-Дам, Музея золота (Лима), Национального архива (Лондон), Национального морского музея (Лондон), Османского архива (Стамбул), “Пи-эй фото”, Музея археологии и этнографии им. Пибоди (Гарвард), Национального архива Сенегала (Дакар), Исторического общества Южной Каролины, Школы восточных и африканских исследований [Лондонского университета], библиотеки Сулеймание и, конечно, несравненной Уайднеровской библиотеки (Гарвард). Было бы неверно не прибавить несколько слов в адрес “Гугла” (славный ресурс для ускорения исторических изысканий), а также облегчающих задачу историка “Квестии” и “Википедии”.

В ходе изысканий я получил неоценимую помощь от Сары Уоллингтон, Даниэля Лансберг-Родригеса, Мэнни Ринкон-Круса, Джейсона Рокетта и Джека Суня.

Как и прежние мои книги, эта опубликована по обе стороны Атлантики издательством “Пенгвин”. Текст отредактировали с обычным мастерством и воодушевлением Саймон Уиндер (Лондон) и Энн Годофф (Нью-Йорк). Несравненный Питер Джеймс сделал нечто большее, чем просто отформатировал текст. Я также благодарю Ричарда Дугуда, Розы Глейшер, Стефана Макграта, Джона Мэкинсона и Пен Воглер, а также всех, кого нет возможности здесь упомянуть.

Подобно 4 из 5 моих последних книг, “Цивилизация” создавалась и как книга, и как телесериал. Ральф Ли и Саймон Бертон (Четвертый канал) не позволяли мне излагать слишком глубокомысленные (или просто невнятные) мысли. Ни телесериала, ни книги не вышло бы без выдающейся команды “Кимерика медиа”: “короля операторов” Девазда Окемы, Джеймса Эванса (помощник режиссера второй и пятой серий), архивиста Элисон Макаллан, Сюзанны Прайс (продюсер четвертой серии), Джеймса Ранси (режиссер второй и пятой серий), директора Вивьен Стил, Шарлотты Уилкинс (помощник режиссера третьей и четвертой серий). Ключ-

* Айаан Хирси Али – политик, жена Ниаля Фергюсона. – *Прим. пер.*

чевую роль в проекте на начальной стадии сыграла Джоанна Поттс. Крис Опеншоу, Макс Х. Уильямс, Грант Лоусон и Аррик Мори умело провели съемки в Англии и Франции. Благодаря терпению и великодушию коллег по “Кимерика медиа” Мелани Фол и Эдриен Пеннинк мы по-прежнему неплохая реклама для триумvirата как формы правления. Мой друг Крис Уилсон следил за тем, чтобы я не опаздывал на самолет.

Ассистенты, помогавшие снимать сериал, помогли и с изысканиями для книги. Я благодарен за это Манфреду Андерсону, Хадидиату Ба, Лилиан Чэнь, Терезе Хорской, Петру Янде, Вольфгангу Кнопфлеру, Деборе Маклохлан, Матиасу де Са Морейре, Дейзи Ньютон-Данн, Жозе Коуту Ногейре, Левенту Оздекину и Эрнсту Фоглю.

Я также хочу поблагодарить людей, у которых взял интервью, особенно Гонзало де Альягу, Нихаль Бенгису Караджа, Джона Линделла, Мика Роусона, Райана Сквибба, Ивана Тушку, Штефана Волле, Чжан Ханьпина и – последних по счету, но не по важности, – учеников Школы им. Роберта Клака в Дагенхэме.

Мне чрезвычайно повезло заполучить лучшего в мире литературного агента Эндрю Уайли и его коллегу в царстве британского телевидения Сью Айтон. Я благодарен также Скотту Мойерсу, Джеймсу Паллену и всем другим сотрудникам в лондонских и нью-йоркских офисах агентства Уайли.

Многие выдающиеся историки, а также бывшие и нынешние мои друзья и ученики великодушно читали рукопись или ее части: Рави Абделаль, Айаан Хирси Али, Брайан Авербух, Пьерпаоло Барбьери, Джереми Катто, Дж. К. Д. Кларк, Джеймс Эсдейл, Кэмпбелл Фергюсон, Мартен Жак, Майя Ясановф, Джоанна Льюис, Чарльз Майер, Хасан Малик, Ноэль Маурер, Йан Моррис, Чарльз Мюррей, Альдо Мусаккьо, Глен О’Хара, Стивен Пинкер, Кен Рогофф, Эмма Ротшильд, Алекс Уотсон, Арне Вестаад, Джон Вон и Джереми Йеллен, а также Филипп Хоффман, Эндрю Робертс и Роберт Уилкинсон. Все оставшиеся незамеченными ошибки – на моей совести.

В Оксфордском университете я хотел бы поблагодарить главу и сотрудников колледжа Крайст-Черч, их коллег из Ориэл-колледжа, работников Бодлианской библиотеки, а в Гувеноровском институте (Стэнфорд) – директора Джона Рейзиена и его прекрасных сотрудников. Эта книга была закончена в центре *IDEAS* Лондонской школы экономики, где меня, профессора кафедры им. Филипа Ромена в 2010/11 учебном году, окружали заботой. Но более всего я обязан гарвардским коллегам. Понадобилось бы слишком много места, чтобы поблагодарить каждого сотрудника исторического факультета Гарварда, и я позволю себе обратиться ко всему коллективу разом: эту книгу я, вероятно, не написал бы без вашей поддержки, ободрения и вдохновения. То же самое я могу повторить и коллегам из Гарвардской школы бизнеса (особенно с Отделения бизнеса, государственного управления и международной экономики), а также из Центра европейских исследований. Благодарю друзей из Центра международных отношений им. Везерхеда, Центра науки и международных отношений им. Белфера, с семинара по экономической истории и из Лоуэлл-хауса. Я благодарен студентам с обоих берегов реки Чарльз, особенно посещавшим мои лекции в рамках общеобразовательного курса “Общества мира”. Замысел этой книги родился в вашем присутствии. Мне очень помогли ваши работы и замечания.

Наконец, я выражаю самое глубокое признание семье, особенно родителям и детям – Феликсу, Фрейе и Лохлану, – которым я уделял так мало внимания, а также их матери Сьюзан и многочисленной родне. Во многом я сочинил эту книгу для вас, дети.

Однако посвящена она той женщине, кто лучше всех, кого я знаю, понимает, что действительно значит западная цивилизация и что она может предложить миру.

Лондон, декабрь 2010 года

Введение

Вопрос Расселаса

[В четвертом издании словаря] он [Сэмюэль Джонсон] не упомянул слово “цивилизация” – только “цивилизованность”. Несмотря на свое огромное уважение к нему, я думаю, что “цивилизация” (от глагола “цивиловать”) лучше противопоставлена по смыслу “варварству”, нежели “цивилизованность”.

Джеймс Босуэлл

Все определения цивилизации... относятся к конструкциям типа: “я цивилизованный человек”, “вы принадлежите к культуре”, “он – варвар”.

Фелипе Фернандес-Арместо

Кеннет Кларк, давший свое определение цивилизации в телесериале с тем же названием, не оставил зрителям сомнений, что ведет речь о *западной* цивилизации, прежде всего об искусстве и архитектуре Западной Европы от средних веков до XIX столетия. В первом из 13 фильмов, снятых для Би-би-си, Кларк вежливо, но твердо проигнорировал византийскую Равенну, кельтские Гебридские острова, Норвегию викингов и даже Ахен Карла Великого. “Темные века” между падением Рима и началом Ренессанса (XII век) Кларк вообще не посчитал “цивилизацией”: она вернулась лишь с возведением Шартрского собора (освященного, хотя и не достроенного, в 1260 году) и стала выказывать признаки утомления со времени сооружения манхэттенских небоскребов.

Невероятно популярный сериал Кларка, впервые показанный в Великобритании тогда, когда мне было пять лет, предопределил значение цивилизации для целого поколения жителей англоязычных стран. Замки Луары были *цивилизацией*. Флорентийские палаццо были *цивилизацией*. Сикстинская капелла была *цивилизацией*. Версаль был *цивилизацией*. Переходя от сдержанных интерьеров Голландской республики к кипучим фасадам барокко, Кларк демонстрировал свою мощь как историка искусства. Временами он апеллировал к музыке и литературе, иногда упоминая политику и даже экономику. Но сутью цивилизации для Кларка, несомненно, являлась визуальная высокая культура. Его героями были Микеланджело, да Винчи, Дюрер, Констебль, Тернер, Делакруа¹.

Нужно отдать Кларку должное: его сериал носил подзаголовок “Личный взгляд”. И он подозревал, что “дохристианская эпоха и Восток” в некотором смысле были нецивизованными. Это соображение было спорным уже в 1969 году. Сейчас, спустя четыре десятилетия, с взглядами Кларка, будь они личными или какими бы то ни было еще, жить гораздо труднее (я не говорю о его несколько раздражающем в наши дни высокомерии). Я придерживаюсь более широкого взгляда и предпочту показаться скорее приземленным и неприличным, чем высокомерным и властным. Мое представление о цивилизации включает сточные трубы в той же мере, что и аркбутаны (а может, и в большей: без водопровода и канализации города становятся опасными, реки и колодцы превращаются в рассадники холеры). Меня интересует и цена произведения искусства, и его культурная ценность. По моему мнению, цивилизация гораздо шире, нежели содержимое нескольких известных галерей. Цивилизация – это в высшей степени сложная социальная организация. Допускаю, что картины, статуи и здания представляют собой наиболее очевидные ее достижения, однако они непонятны без некоторого знания об

¹ Clark Civilisation.

экономических, социальных и политических институтах, задумавших, оплативших и воплотивших создание картин, статуй и зданий – и сохранивших их для нас.

“Цивилизация” – французское слово. Впервые его употребил экономист Анн Робер Жак Тюрго в 1752 году, а в печати оно появилось четыре года спустя благодаря Виктору Рикети, маркизу де Мирабо (отцу великого революционера)². Сэмюэль Джонсон не принял неологизм, предпочтя ему “цивилизованность”. По мнению Джонсона, антонимом дикости была “культурная” (хотя порой очень грубая) жизнь, которой он наслаждался в Лондоне. Средоточие цивилизации – городские поселения, и в разных отношениях именно они главные персонажи моей книги³. Но законы города (гражданские и остальные) столь же важны, как и его стены, а нравы и уклад его жителей ничуть не менее существенны, чем его дворцы⁴. Цивилизация – это и научные лаборатории, и мансарды художников, и вопросы землевладения, и пейзажи. Успех цивилизации измеряется не только ее эстетическими достижениями, но и – это гораздо важнее – продолжительностью и качеством жизни людей. У качества жизни много измерений, и не всегда легко определить их количественно. Мы можем оценить доход на душу населения в XV веке или среднюю продолжительность жизни в то время. Но что мы можем сказать о комфорте? О чистоте? О счастье? Сколько предметов одежды имели люди той эпохи? Сколько часов в день должны были работать? Какую пищу могли купить на заработанные деньги? Произведения искусства могут дать нам лишь намеки, но не точные ответы.

При этом ясно, что цивилизация – это не только город. Цивилизация – крупнейшая единица социальной организации (более крупная, хотя и менее четко определяемая, чем империя). Цивилизации – отчасти практические ответы людей на вызовы окружающей среды – потребности в пище, воде, защите, – но не только. В их основе лежит культурная, религиозная и языковая (нередко, но не всегда) общность⁵. Цивилизаций не так уж много, но и немало. Кэрролл Куигли насчитал две дюжины цивилизаций в последние 10 тысяч лет⁶. Ада Бозман до начала нового времени выделила 5: западную, индийскую, китайскую, византийскую и мусульманскую⁷. Мэттью Мелко насчитал целых 12: 7 уже погибли (месопотамская, египетская, критская, античная, византийская, мезоамериканская, андская), а 5 еще нет (китайская, японская, индийская, исламская, западная)⁸. Шмуэль Эйзенштадт выделил 6, введя в клуб цивилизаций иудейскую⁹. Взаимодействие немногочисленных цивилизаций друг с другом и с окружающей средой – один из важнейших факторов исторических изменений¹⁰. Самое удивительное здесь то, что цивилизации, несмотря на влияние извне, остаются верны себе очень долгое время. Фернан Бродель заметил, что “жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех... Цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они сами подчас деятельно навлекают на себя”¹¹.

Если бы можно было вернуться в 1411 год и совершить кругосветное путешествие, нас, вероятно, сильнее всего впечатлило бы качество жизни на Востоке. В Пекине, столице династии Мин, строят Запретный город. Начались работы по улучшению Великого канала. Турки-османы идут к Константинополю (и в 1453 году возьмут столицу ветхой Византийской импе-

² Braudel *History of Civilizations*.

³ Также см.: Bagby *Culture and History*; Mumford *City in History*.

⁴ Elias *Civilizing Process*.

⁵ Coulborn *Origins of Civilized Societies*; Fernández-Armesto *Civilizations*.

⁶ Quigley *Evolution of Civilizations*.

⁷ Bozeman *Politics and Culture*.

⁸ Melko *Nature of Civilizations*.

⁹ Eisenstadt *Comparative Civilizations*.

¹⁰ McNeill *Rise of the West*.

¹¹ Braudel *History of Civilizations*, pp. 34f.

рии). Смерть Тимура (Тамерлана) в 1405 году устранила угрозу вторжения из Средней Азии орд, этой антитезы цивилизации. Китайскому императору Чжу-ди (Юнлэ) и турецкому султану Мураду II будущее казалось блестящим.

Напротив, Западная Европа в 1411 году поразила бы нас. То было убогое захолустье, с трудом оправлявшееся от чумы (Черная смерть в 1347–1351 годах выкосила почти половину населения), измученное антисанитарией и терзаемое войной, которая казалась бесконечной. Английский престол занимал прокаженный Генрих IV, свергнувший и убивший злосчастного Ричарда II. Францию раздирали убоицы сторонников герцога Бургундии и убитого герцога Орлеанского. Вот-вот возобновится Столетняя война. Другие склоные королевства Западной Европы – Арагон, Кастилия, Наварра, Португалия, Шотландия – казались немногим лучше. Мусульмане еще владеют Гранадой. Шотландский король Яков I захвачен английскими пиратами. Самым приятным местом в Европе тогда были города-государства Северной Италии: Флоренция, Генуя, Пиза, Сиена, Венеция. Что касается Северной Америки, то в XV веке по сравнению с государствами ацтеков, майя и инков с их храмами-пирамидами и дорогами высоко в горах она представляла собой глушь. К концу нашего кругосветного путешествия мысль о том, что Запад будет владычествовать над остальным миром следующие 500 лет, показалась бы очень странной. И все же это произошло.

По некоторым причинам с конца XV века мелкие государства Западной Европы с их бастардизированными заимствованиями из латыни (и немного из греческого), религией, основанной на учении некоего еврея из Назарета, с интеллектуальной задолженностью перед восточной математикой, астрономией и техникой смогли построить цивилизацию, не только покорившую великие восточные империи и подчинившую себе Африку, Америку и Австралию, но и привившую миру свой образ жизни (причем, как правило, не мечом, а словом).

Некоторые утверждают, будто цивилизации в некотором смысле равны и что Запад не может претендовать на превосходство, скажем, над Восточной Евразией¹². Но очевидно, что такой релятивизм абсурден. Ни одна цивилизация прошлого не достигала такого уровня, как западная¹³. В 1500 году будущие европейские империи занимали около 10% поверхности земной суши и охватывали около 16% населения планеты. К 1913 году 11 западных империй* контролировали почти $\frac{3}{5}$ суши и населения и около $\frac{3}{4}$ (79%) мирового производства¹⁴.

Средняя продолжительность жизни в Англии была почти вдвое больше, чем в Индии. Более высокий жизненный уровень на Западе сказывался, кроме прочего, на питании людей (даже сельскохозяйственных рабочих) и их росте (даже у солдат и преступников)¹⁵. Цивилизации, как мы видели, связаны с городским укладом. Запад преуспел и в этом отношении. В 1500 году, насколько мы можем судить, крупнейшим городом на планете был Пекин с населением 600–700 тысяч человек. Из 10 крупнейших городов лишь один был европейским – Париж (с населением менее 200 тысяч человек). В Лондоне жило, вероятно, около 50 тысяч человек. Нормы урбанизации в Северной Африке и Южной Америке были выше европейских. К 1900 году все перевернулось. Всего один из 10 крупнейших городов того времени – Токио – распо-

¹² См.: Fernández-Armesto *Millennium*; Goody *Capitalism and Modernity*; Goody *Eurasian Miracle*; Wong *China Transformed*.

¹³ McNeill *Rise of the West*; Darwin *After Tamerlane*.

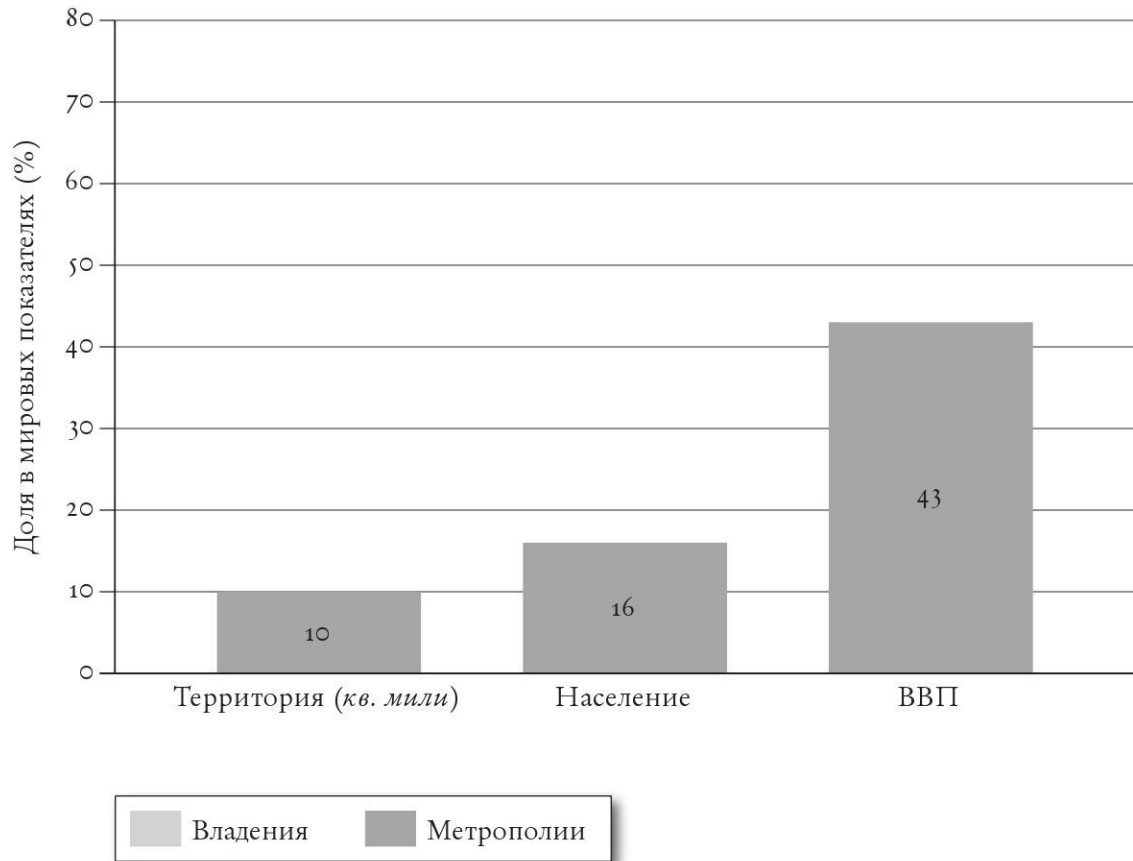
* Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Россия, Великобритания и США. В 1500 году из них лишь Франция, Португалия и Испания существовали в виде, сколько-нибудь напоминающем их состояние в начале XX века. О притязаниях России на то, чтобы быть частью Запада, см. ниже.

¹⁴ По данным из кн.: Maddison *World Economy*. К реконструированию совокупного продукта (ВВП) нужно отнестись даже с большей осторожностью, нежели к попыткам подсчитать население: Мэддисону пришлось пойти на рискованные допущения. Кроме того, он вычислял ВВП, исходя из паритета покупательной способности, чтобы взять поправку на гораздо более низкие цены нерыночных благ в относительно бедных странах.

¹⁵ См.: Fogel *Escape from Hunger*, tables 1.2, 1.4.

лагался в Азии. Лондон с населением около 6,5 миллиона человек стал мегалополисом¹⁶. При этом западное господство не подошло к концу с упадком и разрушением европейских империй. Возвышение США показало, что разрыв между Западом и Востоком увеличивается. К 1990 году средний американец был в 73 раза богаче среднего китайца¹⁷.

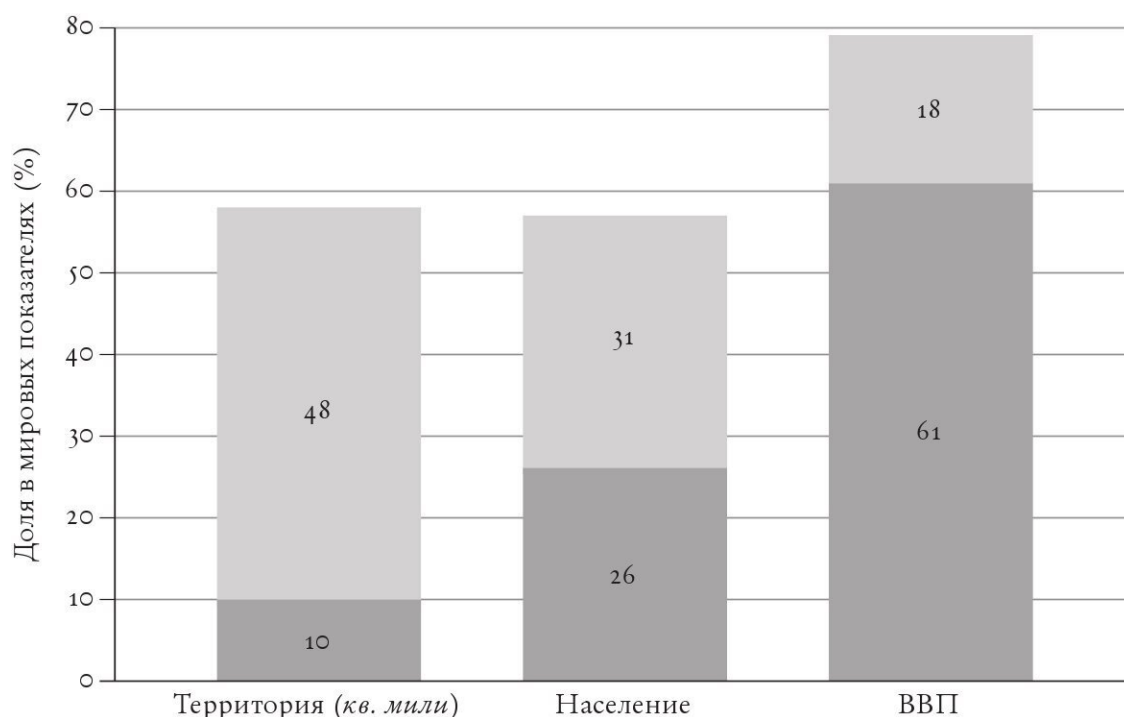
Будущие западные колониальные империи в 1500 г.

Западные колониальные империи в 1913 г.

¹⁶ Данные из кн.: Chandler *Urban Growth*.

¹⁷ В текущих долларовых ценах исходя из данных Всемирного банка (*World Development Indicators*).

Более того, во второй половине XX века стало ясно, что единственный для восточных обществ путь преодолеть разрыв в доходах – последовать примеру Японии и заимствовать у Запада некоторые институты и уклад. Западная цивилизация стала своего рода моделью. До 1945 года, конечно, имелось много моделей развития (“операционных систем”, если использовать компьютерную терминологию), которые могли быть восприняты незападными обществами. Но самые привлекательные имели европейское происхождение: либеральный капитализм, национал-социализм, советский коммунизм. Вторая модель в Европе погибла в ходе Второй мировой войны и уцелела под другими именами во многих развивающихся странах. Крах советской империи в 1989–1991 годах покончил с третьей.

После начала мирового финансового кризиса много говорили об азиатских экономических моделях, однако и самый пылкий поклонник культурного релятивизма не порекомендует реанимировать институты минского Китая или Индии Великих Моголов. Нынешние дебаты между сторонниками свободного рынка и сторонниками вмешательства государства в экономику – это, по сути, спор двух *западных* школ, школ Адама Смита и Джона М. Кейнса, и еще нескольких несгибаемых приверженцев Карла Маркса. Места рождения всех троих говорят за себя: Керколди, Кембридж, Трир. Большая часть мира теперь интегрирована в западную экономическую систему, в которой (как и рекомендовал Смит) главным образом рынок диктует цены и определяет динамику торговли и разделение труда, а правительство играет роль, близкую к отведенной ему Кейнсом: пытается смягчить экономический цикл и уменьшить неравенство доходов.

О неэкономических институтах нет смысла спорить. Университеты во всем мире стремятся к западным стандартам. То же верно и в отношении медицины, от научных исследований до здравоохранения. Большинство людей принимает научные истины, открытые Ньютоном, Дарвином и Эйнштейном. И даже если они этого не делают, при первых симптомах гриппа или бронхита они спешат принять какой-нибудь продукт западной фармакологии. Не многие общества сейчас сопротивляются западным моделям сбыта и потребления, да и образу жизни. Все больше людей ест западную пищу, носит западную одежду и живет в жилье западного типа. Более того, даже принятая на Западе организация труда (работа с девяти часов утра до пяти часов вечера, пять–шесть дней в неделю, две–три недели отпуска в год) становится сво-

его рода мировым стандартом. А религию, которую усердно экспортировали западные миссионеры, сейчас принимает треть человечества (в том числе и в стране с самым большим населением – в Китае). Даже атеизм, зародившийся на Западе, делает прогресс.

С каждым годом все больше людей делают покупки так, как и мы, учатся так, как и мы, оберегают свое здоровье (или болеют) так, как и мы, молятся (либо не молятся) так, как и мы. Куда бы вы ни поехали, вам почти наверняка попадутся бургеры, бунзеновские горелки, лейкопластыри, бейсболки и библии. Лишь в сфере политических институтов сохраняется впечатляющий плюрализм: множество стран, каждая по-своему, сопротивляется идее верховенства права с его защитой прав человека как основания полноценного представительного правления. А воинствующий ислам – как политическая идеология, так и религия – сопротивляется равенству полов и сексуальной свободе – западным стандартам конца XX века¹⁸.

Таким образом, не будет проявлением “евроцентризма” или (анти-“ориентализма”) заявить, что возвышение западной цивилизации – единственное важное историческое явление второй половины II тысячелетия с Рождества Христова. Это очевидно. Проблема в том, чтобы объяснить, как это случилось. Что такое после XV века произошло с цивилизацией Западной Европы, что позволило ей превзойти казавшиеся недостижимыми империи Востока? Конечно, это нечто большее, чем красота Сикстинской капеллы.

Простой ответ – империализм¹⁹. Еще многие сейчас негодуют по поводу преступлений европейских империй. Преступления, конечно, были, и ниже о них тоже пойдет речь. Ясно также, что различные формы колонизации приводили к разным долгосрочным эффектам²⁰. Но империализм не является исторически достаточным объяснением западного господства. Империи существовали задолго до империализма, разоблаченного марксизмом-ленинизмом. В XVI веке мощь и территория многих азиатских империй росли, а Европа после провала проекта Карла V по строительству великой Габсбургской империи от Испании до Нидерландов и Германии сделалась разобщеннее, чем когда-либо. Реформация привела к религиозным войнам, длившимся дольше века.

От путешественника XVI века едва ли укрылся бы контраст между Западом и Востоком. Османская империя, занимавшая Анатолию, Египет, Аравию, Месопотамию и Йемен, при Сулеймане Великолепном (1520–1566) расширилась до Балкан, Венгрии и Вены (1529). Государство Сефевидов при Аббасе I Великом (1587–1629) занимало земли от Исфахана и Тебриза до Кандагара. Северной Индией (от Дели до Бенгалии) правил Акбар I (1556–1605) из династии Великих Моголов. Китай за Великой стеной также казался спокойным, и едва ли европейские посетители двора императора Чжу Ицзюня (Ваньли; 1572–1620) смогли бы предсказать гибель династии Мин менее чем через 30 лет после его смерти. В конце 50-х годов XVI века фламандский дипломат Ожье Гислен де Бусбек (именно он привез тюльпаны из Турции в Нидерланды) в письмах из Стамбула нервозно сравнивал раздробленность Европы с “громادным богатством” Османской империи.

Конечно, XVI век был временем активности европейцев за границей. Но для великих империй Востока португальские и голландские мореплаватели отнюдь не выглядели носителями цивилизации: они казались варварами, угрожающими Срединному государству, причем более отвратительными (и уж точно хуже пахнущими), чем японские пираты. Да и что влекло европейцев в Азию, как не превосходные индийские ткани и китайский фарфор?

Уже в 1683 году турецкая армия подошла к Вене и потребовала, чтобы ее жители сдали город и приняли ислам. И лишь после снятия осады со столицы Габсбургов христиане посте-

¹⁸ Scruton *The West and the Rest*.

¹⁹ См.: Laue *World Revolution of Westernization*.

²⁰ Acemoglu et al. *Reversal of Fortune*; Putterman and Weil *Post-1500 Population Flows*.

пенно вытеснили турок из Центральной и Восточной Европы, причем прошли долгие годы, прежде чем какая-либо из европейских империй повторила успехи восточного империализма. “Великая дивергенция” Запада и остального мира проявлялась еще медленнее. Разрыв в доходах жителей Северной и Южной Америки большую часть XIX века не был делом решенным. Европейцы до начала XX века не могли продвинуться в Африку дальше прибрежных зон.

Но если империализм не объясняет западное господство, то не был ли успех Запада, как утверждают некоторые ученые, удачным стечением обстоятельств? Может быть, к “великой дивергенции” привели географические или климатические условия западной оконечности Евразии? Европейцам повезло найти в Карибском море острова, идеально подходящие для культивирования богатого калориями сахара. Новый Свет подарил Европе дополнительные пахотные земли, в которых так нуждался Китай, и лишь по прихоти фортуны угольные месторождения в Китае разрабатывать труднее, чем в Европе²¹. Или Китай в некотором смысле стал жертвой собственного успеха – угодил в “ловушку равновесия высокого уровня” (земледельцы могли обеспечить большое население пищей, достаточной только для выживания)?²² Или, может быть, Англия стала первой индустриальной страной потому, что антисанитария и болезни сокращали жизнь большинства и предоставляли богатому, предприимчивому меньшинству больше шансов передать свои гены потомству?²³

Великий лексикограф Сэмюэль Джонсон отвергал случайные причины западного господства. Он вложил в уста главного героя романа “Расселас, принц Абиссинский” (1759) вопрос:

Каковы те средства... что делают европейцев такими могущественными?
И почему, если они могут так легко приплыть в Азию и Африку для торговли или завоеваний, азиаты и африканцы не могут вторгнуться на их берега, устраивать колонии в их портах и диктовать законы их природным правителям? Тот самый ветер, который принес их к нам, мог бы принести и нас к ним*.

Философ Имлак заметил на это:

Господин! Они [европейцы] могущественнее нас, потому что мудрее. Знание будет всегда господствовать над невежеством, подобно тому, как человек повелевает другими животными. Но почему их [европейцы] знание превосходит наше? Я не знаю иной причины этому, кроме непостижимой воли Всевышнего²⁴.

Знание – действительно сила, если оно дает превосходство в навигации, добыче полезных ископаемых, стрельбе и лечении болезней. Но действительно ли европейцы знали больше всех? Возможно, в 1759 году так и было: около двух с половиной веков после 1650 года наука была обязана прогрессом почти исключительно Западу²⁵. Но в 1500 году? Как мы увидим, уровень развития китайской техники, индийской математики и арабской астрономии столетиями превосходил западный.

²¹ Pomeranz *Great Divergence*.

²² Elvin *Pattern of the Chinese Past*.

²³ Clark *Farewell to Alms*.

* Этим вопросом в XVIII веке действительно задавались подданные незападных империй. В 1731 году турок Ибрагим Мутеферрика вопрошал: почему “христиане, бывшие [некогда] презренным народом, сравнительно малочисленным по отношению к мусульманскому населению и ничтожным и слабым по природе и характеру, с некоторых пор распространились по свету, захватили множество стран и даже стали явно побеждать победоносную османскую армию Высокой Порты?” [Пер. Ю. Каменева. – *Прим. пер.*]

²⁴ Johnson *Rasselas*, pp. 56f.

²⁵ Murray *Human Accomplishment*.

Если так, не обладали ли европейцы неким культурным, менее явным преимуществом? Такое предположение выдвинул немецкий социолог Макс Вебер. Этот тезис имеет много вариантов – средневековый английский индивидуализм, гуманизм, протестантская этика, – а подтверждения ему находят буквально везде – от завещаний английских крестьян и грессбухов средиземноморских купцов до придворного этикета. Дэвид Лэндис в “Богатстве и бедности народов” высоко оценил роль культурных факторов. Он указал, что Западная Европа опередила остальной мир, поскольку позволяла самостоятельное научное исследование, применение научного метода, рационализацию исследования и его распространение. Правда, Лэндис допустил, что для распространения этой парадигмы потребовалось еще кое-что: кредитно-финансовые учреждения и добросовестное государственное управление²⁶. Ключ к успеху (это становится все яснее) – общественные институты.

Институты, конечно, в некотором смысле продукт культуры. Однако они, будучи воплощением тех или иных принципов, нередко определяют подлинный уровень культуры. Этот взгляд иллюстрирует ряд экспериментов, поставленных в XX веке: очень разные институты были навязаны изолированным группам немцев (в ФРГ и ГДР), корейцев (в КНДР и Республике Корея) и китайцев (в КНР и за ее пределами). Результаты получились поразительные, а вывод – недвусмысленным. Если имеются две группы испытуемых с более или менее одинаковой культурой и первую подвергают воздействию коммунистических институтов, а вторую – капиталистических, они почти немедленно начинают вести себя по-разному.

Многие историки сейчас соглашались с тем, что в начале XVI века между Восточной и Западной Евразией имелось не так уж много действительно глубоких различий. Оба региона рано восприняли земледелие, рыночные отношения, город и государство²⁷. Однако у Восточной и Западной Евразии было важное институциональное различие: Китай был единым, централизованным государством, а Европа – политически раздробленной. Джаред Даймонд в книге “Ружья, микробы и сталь” (1997)* объяснил, почему Евразия оказалась впереди всей планеты²⁸, но лишь в работе “Как разбогатеть” (1999) он предложил ответ на вопрос, почему одна часть Евразии обошла другую. Ответ Даймонда таков: монолитные империи, занимавшие равнины Восточной Евразии, душили изобретательство, а многочисленные монархии и города-государства в изрезанной горными цепями и реками Западной Евразии постоянно пребывали в состоянии творческой конкуренции и обмена²⁹.

Это интересный, но не исчерпывающий ответ. Вспомните две серии гравюр “Бедствия войны”, созданных лотарингским художником Жаком Калло в 30-х годах XVII века, будто чтобы предупредить остальной мир об опасности религиозных конфликтов. Конкуренция между мелкими государствами Европы (и внутри них) в первой половине XVII века опустошала целые области Центральной Европы и более чем на 100 лет обеспечила распри Британским островам. Политическая фрагментация часто к этому приводит (если сомневаетесь, спросите жителей бывшей Югославии). Конкуренция, как мы увидим в главе 1, есть часть истории западного господства, – но лишь одна ее часть.

Я хочу показать, что главными источниками могущества, отличающими Запад от остального мира, стали 6 групп уникальных институтов и связанных с ними идей:

1. Конкуренция.
2. Наука.
3. Имущественные права.

²⁶ Landes *Wealth and Poverty*.

²⁷ Hibbs and Olsson *Geography*; Bockstette et al. *States and Markets*.

* Рус. пер.: Даймонд Дж. *Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ*. М.: Астрель: CORPUS, 2010. – Прим. ред.

²⁸ Diamond *Guns, Germs and Steel*.

²⁹ Diamond *How to Get Rich*.

4. Медицина.
5. Общество потребления.
6. Трудовая этика.

Пользуясь языком современного компьютеризированного, синхронизированного мира, скажу: таковы 6 “приложений-убийц”, революционных новинок, позволивших западной окончности Евразии доминировать над миром почти 500 лет.

Прежде чем вы с негодованием возразите, что я упускаю некоторые важные аспекты вроде капитализма, свободы, демократии (или те же ружья, микробы и сталь), пожалуйста, прочитайте краткие определения:

1. *Конкуренция*. Децентрализация политической и экономической жизни, явившаяся трамплином для национальных государств и для капитализма.
2. *Наука*. Способ познания, объяснения и преобразования природы, давший Западу, кроме прочего, подавляющее военное преимущество перед остальным миром.
3. *Имущественные права*. Верховенство права как способ защиты собственников и мирного разрешения имущественных споров, легшее в основу наиболее устойчивой формы представительного правления.
4. *Медицина*. Область научной и практической деятельности, положительно повлиявшая на качество и продолжительность жизни сначала в западных странах, а затем в их колониальных владениях.
5. *Общество потребления*. Образ жизни, при котором производство, продажа и покупка потребительских товаров (одежда и так далее) играют в экономических процессах центральную роль. Без общества потребления Промышленная революция была бы невозможна.
6. *Трудовая этика*. Нравственная концепция и образ действия, возникшие отчасти в протестантизме, связывающем динамичное, потенциально нестабильное общество, созданное с помощью “приложений” № 1–5.

Это не самодовольная версия “Триумфа Запада”³⁰. Ниже я покажу, что к завоеванию и колонизации большей части мира привело не только превосходство Запада, но и слабость его конкурентов. В 40-х годах XVII века валютно-финансовый кризис, климатические изменения и эпидемии привели к восстанию, а в итоге и к гибели династии Мин. Запад был ни при чем. Отставание Османской империи в политическом и военном отношении обусловили в большей степени внутренние, нежели внешние причины. Когда североамериканские политические институты процветали, южноамериканские загнивали. Но в неудаче Симона Боливара построить “Соединенные Штаты Латинской Америки” гринго ничуть не виноваты.

Итак, главное отличие Запада от остального мира – его институты. Западная Европа догнала Китай отчасти потому, что ее политика и экономика были в большей степени конкурентными. Австрия, Пруссия, позднее даже Россия достигли успехов в административном и в военном отношении потому, что сеть, которая произвела научную революцию, сложилась в христианском мире, а не в мусульманском. Бывшие североамериканские колонии преуспели больше южноамериканских, потому что английские поселенцы на Севере выбрали такие отношения собственности и такой способ политического представительства, которые очень отличались от принесенных в Южную Америку испанцами и португальцами. (На Севере действовал режим “свободного доступа”, в противоположность “ограниченному”, при котором обществом

³⁰ Roberts *Triumph of the West*.

управляют в интересах получающих экономическую ренту замкнутых элит.)³¹ Европейские империи проникли в Африку не только потому, что у них был пулемет Максима: они разрабатывали вакцины против тропических болезней, от которых так страдали африканцы.

Таким же образом ранняя индустриализация Запада отразила его институциональные преимущества. Условия для возникновения массового общества потребления существовали на Британских островах задолго до изобретения и внедрения паровых машин или фабричной системы производства. Даже после того, как промышленная технология стала почти повсеместно доступна, различия между Западом и остальным миром сохранились и даже усилились. Европейский или североамериканский рабочий на целиком стандартизированном хлопкопрядильном или ткацком оборудовании мог работать продуктивнее восточных коллег, а его работодатель – быстрее приумножать капитал³². Инвестиции в здравоохранение и народное образование приносили значительные дивиденды, а там, где таких инвестиций не делали, люди оставались бедны³³. Моя книга – обо всех этих различиях.

До сих пор я употреблял слова “Запад” и “западный” более или менее случайно. Что я подразумеваю под *западной цивилизацией*? После войны белые ангlosаксы-протестанты мужского пола, как правило, инстинктивно помещали Запад (или “свободный мир”) в относительно узкие рамки от Лондона до Лексингтона, штат Массачусетс, или – шире – от Страсбурга до Сан-Франциско. В 1945 году главным языком Запада был английский (сопровожаемый сбивчивым французским). С ростом европейской интеграции в 50-х — 60-х годах XX века расширился и клуб западных стран. Теперь мало кто станет спорить, относятся ли к Западу Нидерланды, Франция, Германия, Италия, Португалия, скандинавские страны и Испания. В то же время Греция, с некоторых пор православная, является частью Запада *ex officio* [в силу занимаемого положения] из-за нашего неоплаченного долга перед древнегреческой философией и нынешней задолженности греков перед Евросоюзом.

А как быть с остальным Южным и Восточным Средиземноморьем, охватывающим не только Балканы севернее Пелопоннеса, но и Северную Африку, а также Малую Азию? С Египтом и Месопотамией, колыбелями первых цивилизаций? Является ли Западом Америка, колонизированная европейцами? И действительно ли Европейская часть России – это Запад, а азиатская, за Уралом, – в некотором смысле Восток? В период холодной войны СССР с его сателлитами повсеместно называли Восточным блоком. Но, конечно, СССР был продуктом западной цивилизации в той же степени, что и США. Господствующая в СССР идеология имела почти то же викторианское происхождение, что и национализм, аболиционизм и суфражизм: она зародилась и вызрела в круглом Читальном зале Британской библиотеки. Ее распространение стало продуктом европейской экспансии и колонизации не в меньшей степени, чем заселение Америки. В Средней Азии, как и в Южной Америке, европейцы управляли неевропейцами. В этом смысле события 1991 года стали просто гибелью последней европейской империи. При этом недавнее определение западной цивилизации, сформулированное Сэмюэлем Хантингтоном и получившее широкое распространение, исключает не только Россию, но и все православные страны. Запад, по Хантингтону, – это Западная и Центральная Европа (но не православная Восточная), Северная Америка (но не Мексика) и Австралия. Запад – это не Греция, не Израиль, не Румыния и не Украина, как и не острова в Карибском море (хотя многие из них в той же степени Запад, что и Флорида)³⁴.

³¹ См.: North *Understanding the Process of Economic Change*; North et al. *Violence and Social Orders*.

³² Clark *Farewell to Alms*, pp. 337–342.

³³ Rajan and Zingales *Persistence of Underdevelopment*; Chaudhary et al. *Big BRICs, Weak Foundations*.

³⁴ Huntington *Clash of Civilizations*.

Если так, то Запад есть нечто гораздо большее, нежели географическое понятие: это стандарты, уклад и институты с крайне нечеткими границами. Но может ли тогда стать западным азиатское общество, перенимающее западную моду и методы ведения бизнеса, как это сделала Япония в эпоху Мэйдзи и, кажется, теперь делают почти все остальные азиатские страны? Прежде было модно утверждать, что капиталистическая “мировая система” навязала разделение труда между ее западным ядром и периферией³⁵. А что если весь мир окажется вестернизированным, по крайней мере, во внешних чертах и в образе жизни? Или другие цивилизации, согласно известному замечанию Хантингтона, окажутся жизнеспособнее – особенно “синская” (то есть “Большой Китай”*) и мусульманская (с ее “кровавыми границами” и “насилием внутри”)?³⁶ Насколько искренне принятие ими западных принципов? К этим вопросам мы обратимся ниже.

Другая загадка западной цивилизации заключается в том, что отсутствие единства кажется одной из ее характерных особенностей. В начале XXI века многие американские наблюдатели жаловались на “расширяющуюся Атлантику” – упадок ценностей, связывавших США с западноевропейскими союзниками во времена холодной войны³⁷. Если сейчас немного яснее (чем когда госсекретарем был Генри Киссинджер), кому должен звонить американский государственный деятель, желающий поговорить с Европой, стало труднее сказать, кто говорит от имени западной цивилизации. И все же нынешний разлад Америки и “старой Европы” безобиден по сравнению с конфликтами прошлого, обусловленными разногласиями по поводу религии, идеологии и даже самого смысла цивилизации. Во время Первой мировой войны немцы настаивали, что сражаются за высокую *культуру* и против безвкусной, материалистической англо-французской *цивилизации* (это различие проводили, например, Томас Манн и Зигмунд Фрейд). Но это различие было трудно принять в первой фазе войны, когда горела библиотека Лувенского университета* и шли массовые казни мирных бельгийских граждан. Британские пропагандисты в ответ клеймили немцев как “гуннов” и называли ту войну “Великой войной во имя цивилизации” (так было начертано на британской Медали Победы³⁸). Имеет ли больше смысла сегодня, нежели чем в 1918 году, говорить о “Западе” как о единой цивилизации?

Наконец, стоит помнить, что западная цивилизация однажды уже испытала упадок и крушение, и римские руины в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке красноречиво об этом напоминают. Вершинами “западной цивилизации версии 1,0”, возникшей в районе “плодородного полумесяца” (между долиной Нила и слиянием Тигра и Евфрата), стали афинская демократия и Римская империя³⁹. Основные элементы нашей цивилизации (не только демократия, но и атлетика, арифметика и геометрия, гражданское право, архитектурные приемы и существенная часть современного английского лексикона) возникли в древности на Западе. Римская империя во времена расцвета была поразительно сложной системой. Зерно, ремесленные изделия и деньги свободно обращались от Северной Англии до верховий Нила. Здесь процветала ученость, развивались право и медицина. Имелись даже “шопинг-моллы” вроде римского форума Траяна. Но “западная цивилизация версии 1,0” пришла в упадок, а в V веке удивительно быстро погибла от нашествий варваров и внутренних неурядиц. В течение жизни

³⁵ Wallerstein *Modern World-System*.

* Одна из почтеннейших цивилизаций получила название, о котором не слышал никто, кроме одного политолога. В своем эссе 1993 года Хантингтон использовал понятие “конфуцианская”.

³⁶ Huntington *Clash of Civilizations*.

³⁷ См.: Kagan *Paradise and Power*; Schuker *Sea Change*.

* Лувен (Левен), “бельгийский Оксфорд”, в конце августа 1914 года был разграблен и разрушен немцами, решившими, что в городе действуют партизаны. – *Прим. пер.*

³⁸ Osborne *Civilization*.

³⁹ Morris *Why the West Rules*.

одного поколения город Рим – грандиозная имперская столица – опустел, его акведуки разрушились, а роскошные рынки были заброшены. Знания античного Запада могли быть утрачены, если бы не библиотекари Византии⁴⁰, монахи Ирландии⁴¹, папы и священники римско-католической церкви (не забудем и о Аббасидах⁴²). Без их усилий Запад, возможно, не дождался бы Ренессанса.

Ждут ли “западную цивилизацию версии 2,0” упадок и крушение? Население Запада, которое долгое время составляло меньшую часть населения мира, явно вырождается. Некогда лидирующая экономика США и Европы стоит перед реальной перспективой того, что в пределах 20, даже 10 лет их догонит Китай, за которым с небольшим отрывом следуют Бразилия и Индия. Западная “жесткая сила”, кажется, увязла на Большом Ближнем Востоке, от Ирака до Афганистана, а “Вашингтонский консенсус” касательно экономической политики свободного рынка распадается. Финансовый кризис, начавшийся в 2007 году, также, по-видимому, указывает на фундаментальный недостаток, лежащий в основе общества потребления с его акцентом на терапии, заключающейся в стимулировании продаж в кредит. Протестантская этика бережливости, некогда казавшаяся центральным элементом западного проекта, почти ушла. Тем временем элитами Запада овладел почти миллениаристский страх перед экологическим апокалипсисом.

Более того, западная цивилизация, кажется, потеряла уверенность в себе. Начиная со Стэнфорда в 1963 году, ряд ведущих университетов прекратил предлагать студентам классический курс истории *западной цивилизации*. В школах вышел из моды большой нарратив о западном прогрессе. Из-за причуды педагогов, во имя “новой истории” поставивших “исторические навыки” выше знаний, вкупе с неожиданными последствиями реформирования образования, слишком много британских учащихся покидает среднюю школу, почти не имея представления об истории Запада: немного о Генрихе VIII, Гитлере, чуть-чуть о Мартине Лютере Кинге-младшем. Опрос первокурсников-историков в одном из ведущих британских университетов показал, что лишь 34% опрошенных знает, кто был английским монархом во время Армады, 31% – где шла Англо-бурская война, 16% – кто командовал британскими силами при Ватерлоо (решивших, что это Нельсон, оказалось вдвое больше), 11% вспомнило лишь одного британского премьер-министра XIX века⁴³. При опросе английских подростков 11–18 лет выяснилось, что Кромвель участвовал в битве при Гастингсе (17% опрошенных), а 25% датировало Первую мировую войну неправильным веком⁴⁴. Кроме того, в англоязычных странах теперь широко распространено мнение, что нам следует изучать другие культуры, а не нашу собственную. Диск, отправленный в 1977 году в космос на “Вояджере”, нес 27 записей, и лишь 10 принадлежали западным композиторам: не только Баху, Моцарту и Бетховену, но и Луи Армстронгу, Чаку Берри и Вилли Джонсону (“Слепому”). История мира “в 100 предметах”, изданная в 2010 году директором Британского музея, включает не более 30 продуктов западной цивилизации⁴⁵.

Любая книга по истории мировых цивилизаций, умаляющая степень их постепенного подчинения Западу после 1500 года, оставляет без внимания вопрос, скорее прочих нуждающийся в ответе. Возвышение Запада – исключительное историческое явление. Это сердцевина истории нового времени. Эта загадка, возможно, представляет собой самый трудный вызов историкам, но мы должны решить ее не только из-за своего любопытства. Лишь выяснив при-

⁴⁰ Brownworth *Lost to the West*.

⁴¹ Cahill *How the Irish Saved Civilization*.

⁴² Dawson *Making of Europe*; Woods *How the Catholic Church Built Western Civilization*.

⁴³ Matthews *Strange Death*; Guyver *England*.

⁴⁴ Kelly, Amanda *What Did Hitler Do in the War, Miss?* // Times Educational Supplement, 19 January 2001.

⁴⁵ MacGregor *History of the World*.

чины господства Запада, мы сможем надеяться сколько-нибудь верно оценить близость его упадка и крушения.

Глава 1

Конкуренция

Китай, по-видимому, долгое время оставался в неподвижном состоянии и, вероятно, давно уже приобрел тот максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений. Но возможно, что этот максимум богатств гораздо ниже того, который при наличии других законов и учреждений можно было бы приобрести при данном характере почвы, климата и положения страны. Страна, пренебрегающая внешней торговлей или презирующая ее и допускающая иностранные корабли только в один или два порта, не может развить свою торговлю в таких размерах, в каких это было бы возможно при других законах и учреждениях... Более обширная внешняя торговля... должна была привести к очень большому росту китайской мануфактурной промышленности и к значительному увеличению производительности последней. При более обширном мореплавании китайцы, естественно, научились бы применению и сооружению всех тех различных машин, которыми пользуются в других странах, а также другим усовершенствованиям в ремеслах и промышленности, применяемым во всех частях мира.

Адам Смит*

Почему их столь мало, и все же они столь сильны? Почему нас много, и все же мы слабы? Единственное, что нам следует заимствовать у варваров, это... прочные суда и действенное оружие.

Фэн Гуйфэн

Две реки

Запретный город (Цзыцзиньчэн или Гугун) в сердце Пекина строили более миллиона рабочих из материалов, свезенных со всех концов Китая. Запретный город почти с тысячей строений, символизировавший могущество династии Мин, – не только обломок некогда величайшей цивилизации, но и напоминание о том, что ни одна цивилизация не вечна. Еще в 1776 году Адам Смит мог считать Китай “одной из самых богатых, то есть наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных стран в мире... Эта страна богаче любой части Европы”. И все же он оговорился, что Китай пребывает “в состоянии застоя”⁴⁶. Смит был прав. Менее чем через столетие после постройки Запретного города (1406–1420) начался упадок Востока. Тогда нищие и склочные микроскопические страны Западной Европы начали свою почти неудержимую экспансию, длившуюся полтысячелетия, а великие империи Востока постепенно впали в кому.

Почему Китай уступил первенство Европе? Смит считал, что китайцы оказались не в состоянии поощрять внешнюю торговлю и поэтому не сумели воспользоваться сравнительными преимуществами своей страны и извлечь выгоду из международного разделения труда. Есть и другие объяснения.

* Цит. по кн.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М: Соцэкгиз, 1962. – Прим. пер.

⁴⁶ Smith *Wealth of Nations*, Book I, chs. 8, 11, Book IV, ch. 9.

В 40-х годах XVIII века Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескье, в бедах Китая винил деспотию, обусловленную невероятно большим населением, умножившимся из-за климата*:

Азия... совершенно не имеет умеренного пояса, и ее страны, расположенные в очень холодном климате, непосредственно соприкасаются с теми, которые находятся в климате очень жарком, каковы Турция, Персия, Китай, Корея, Япония и государство Могола. В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен... каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий... Отсюда следует, что в Азии народы противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой – завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная⁴⁷.

Позднейшие европейские авторы считали, что Запад превзошел Восток благодаря технике, например приведшей к Промышленной революции. (Именно так решил граф Макартни после своего явно провального посольства в Китай в 1793 году.) Другой аргумент, популярный в XX веке, гласит, что конфуцианская философия препятствовала нововведениям. Однако эти современные объяснения ошибочны. Первое из шести “приложений-убийц”, которыми располагал Запад и которых был лишен Восток, не имело отношения ни к коммерции, ни к климату, ни к технике, ни к философии. Оно, как понимал уже Смит, заключалось прежде всего в институтах.

Если бы вы посетили в 1420 году Темзу и Янцзы, вы поразились бы увиденному. Янцзы была встроена в сложную судоходную систему Пекин – Нанкин (протяженностью более 805 км) – Ханчжоу. Основой ее служил Великий канал длиной более 1600 км. Начатый в VII веке до н. э. канал со шлюзами (X век) и изящными мостами (один из них – Баодай, многоарочный “Мост драгоценного пояса”), при императоре Чжу-ди (Юнлэ) из династии Мин (1402–1424) восстановили и улучшили. Когда главный инженер проекта Бай Ин закончил плотины и отвел русло Хуанхэ, ежегодно по “реке для сплава хлеба” в обе стороны проходили до 12 тысяч барж с рисом⁴⁸. Около 50 тысяч человек обслуживали инфраструктуру канала. На Западе, конечно, величайшими из великих каналов останутся венецианские. Но даже бесстрашного венецианца Марко Поло, посетившего Китай в 70-х годах XIII века, впечатлило судоходство на Янцзы:

Кто своими глазами не видел, не поверит, сколько больших судов поднимается по той реке. Кто сам не видел, не поверит, какое множество товаров сплавляют купцы вниз и вверх по реке. Она так широка, словно как море*.

Великий канал не только был главной артерией внутренней торговли Китая. Он позволил правительству регулировать цены на рис посредством пяти государственных зернохранилищ: власти скупали зерно тогда, когда оно дешеvelo, и продавали, когда дорожало⁴⁹.

* Пер. А. Матешук. – Прим. пер.

⁴⁷ Montesquieu *Spirit of the Laws*, Book VIII, ch. 21; Book VII, ch. 7; Book XIX, chs. 17–20.

⁴⁸ Bishop *China's Imperial Way*.

* Пер. И. Минаева. – Прим. пер.

⁴⁹ Tsai *Perpetual Happiness*, p. 123.

Столица империи – Нанкин (население в 1420 году составляло от полумиллиона до миллиона человек) – вероятно, была в то время крупнейшим городом мира. Здесь столетиями процветали хлопчатобумажное производство и шелководство. При императоре Чжу-ди (Юнлэ) он стал и научным центром. Девиз Юнлэ переводится как “вечная радость”, но, вероятно, тому времени лучше подошла бы характеристика “вечное движение”. Величайший из минских императоров ничего не делал кое-как. Например, создание компендиума китайской науки (более 11 тысяч томов) потребовало усилий более 2 тысяч ученых. Эту энциклопедию, почти 600 лет остававшуюся крупнейшей в мире, превзошла лишь “Википедия” в 2007 году.

Но император не был доволен Нанкином. Вскоре после своего восшествия на престол он заложил на севере новую столицу: Пекин. К 1420 году, когда закончилось строительство Запретного города, Китай, безусловно, мог считаться самой развитой цивилизацией мира.

В начале XV века Темза по сравнению с Янцзы представляла собой тихую заводь. Правда, Лондон был оживленным портом, основным узлом английской торговли с континентом. (Ричард Уиттингтон, самый известный из лорд-мэров города, торговал тканями и зарабатывал состояние благодаря растущему экспорту шерсти.) Верфи столицы Англии процветали благодаря непрекращающимся войнам с Францией. У Шедуэлла и Ратклиффа, где дно было илистым, корабли могли встать на ремонт. Правда, Тауэр, в отличие от Запретного города, внушал не почтительный трепет, а ужас.

Все это едва ли впечатлило бы китайского путешественника. Тауэр на фоне Запретного города с его многочисленными залами выглядел просто лачугой, Лондонский мост рядом с мостом Баодай казался недоразумением, а уровень развития навигации в Англии был таким, что корабли ходили лишь по Темзе и Ла-Маншу, держась в виду знакомых берегов. Ни англичанин, ни китаец тогда и вообразить не мог английские корабли на Янцзы.

Лондон, куда Генрих V вернулся в 1421 году после побед над французами (самая известная – при Азенкуре), едва ли можно было назвать хотя бы городком. Протяженность старых, многократно латанных стен составляла около 4,9 км, – малая часть длины стен Нанкина. Основателю династии Мин на возведение стен вокруг своей столицы понадобилось более 20 лет. Они имели башни-ворота настолько большие, что лишь в одной из них можно было разместить 3 тысячи воинов. Эти стены строились на века и почти целиком сохранились. От средневековых же стен Лондона сейчас почти ничего не осталось.

По стандартам XV века Китай был относительно приятным местом. Жесткий феодальный порядок, установившийся в начале эпохи Мин, смягчала активная внутренняя торговля⁵⁰. В Сучжоу, в Старом городе, и сейчас заметны следы расцвета: тенистые каналы и изящные улочки. Жизнь современников-англичан в городах была совершенно иной. Черная смерть – бубонная чума, вызванная переносимой блохами бактерией *Yersinia pestis*, которая настигла Англию в 1349 году, – уменьшила население Лондона примерно до 40 тысяч человек (менее 1/10 населения Нанкина). Кроме чумы, частыми гостями были сыпной тиф, дизентерия и оспа. Но и без эпидемий Лондон являлся опасным местом – из-за антисанитарии. Канализации не было, и в городе стояла страшная вонь (в китайских городах экскременты систематически собирали для удобрения отдаленных рисовых полей). Когда Уиттингтон был лорд-мэром (четырежды: между 1397 годом и его смертью в 1423 году), улицы Лондона были вымощены отнюдь не золотом.

Школьников учат тому, что Генрих V – одна из героических фигур английской истории, и противопоставляют его слабому Ричарду II (правившему прежде Генриха IV – предшественника Генриха V). Печально признавать, но королевство было очень далеко от “царственного острова” из шекспировского “Ричарда II”. Скорее оно было “заразным островом”.

⁵⁰ Brook *Confusions of Pleasure*.

Драматург описывает Англию так: "...второй Эдем, // Противу зол и ужасов войны // Самой природой сложенная крепость"^{*}. Тем не менее, продолжительность жизни в 1540–1800 годах в Англии составляла в среднем 37 лет (в Лондоне – 20 лет). Почти каждый пятый английский ребенок погибал в первый же год (в Лондоне – почти каждый третий). Генрих V вззошел на престол 26 лет от роду и умер от дизентерии в 35 лет. До сравнительно недавнего времени историю творили, как правило, молодые.

Насилие было обычным делом. Воевать с Францией англичане уже привыкли, а когда они не воевали с французами, то сражались с валлийцами, шотландцами и ирландцами, а иначе дрались – за корону – друг с другом. Отец короля Генриха V захватил трон силой, а сын, Генрих VI, таким же образом его утратил в начале Войны Алой и Белой розы: тогда 4 короля лишились своих корон, а 40 пэров – головы (в бою или на эшафоте). В 1330–1479 годах четверть представителей английской знати погибла насильственной смертью. Убивали, конечно, не только дворян. Данные начиная с XIV века свидетельствуют, что ежегодно в Оксфорде происходило более 100 убийств на 100 тысяч жителей. Лондон считался несколько безопаснее: здесь ежегодно регистрировали около 50 убийств на 100 тысяч. Самые высокие показатели в современном мире дают Южная Африка (69 на 100 тысяч), Колумбия (53 на 100 тысяч) и Ямайка (34 на 100 тысяч). Даже в Детройте в опасных 80-х годах XX века регистрировалось 45 убийств на 100 тысяч⁵¹.

Жизнь англичан в те времена была, как позднее отметил Томас Гоббс, "одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна" (Гоббс назвал это "естественным состоянием"). Даже такое видное семейство из Норфолка, как Пастоны, не могло всерьез рассчитывать на безопасность. Маргарет, жену Джона Пастона, изгнали из своего жилья, когда она пыталась настаивать на законном праве семьи на поместье Грешем, занятое наследником предыдущего владельца. Джон Фастолф оставил Пастонам замок Кайстер, однако герцог Норфолкский осадил его вскоре после смерти Джона Пастона. Осада длилась 17 лет⁵². И при этом Англия числилась среди преуспевающих и в наименьшей степени пораженных насилием стран Европы! Во Франции жизнь была еще беспросветнее, тупее и короче – и ситуация к востоку все ухудшалась. Еще в начале XVIII века француз ежедневно потреблял в среднем 1660 килокалорий (почти минимум требуемого для поддержания жизни; около половины среднего современного западного уровня), а средний рост мужчин в дореволюционной Франции составлял 165 см⁵³. Во всех континентальных странах, о которых есть средневековые данные, убивали чаще, чем в Англии (а худшим местом неизменно оказывалась Италия, славная не только своими художниками, но и наемными убийцами).

Иногда говорят, что такая жизнь в Западной Европе являлась своего рода преимуществом. Поскольку бедняки умирали чаще богатых, они, возможно, так или иначе способствовали дальнейшему процветанию последних. Черная смерть, кроме прочего, привела к росту дохода на душу населения в Европе. Выжившие – поскольку рабочих рук не хватало – могли заработать больше. Верно и то, что дети английских богачей имели гораздо больше шансов дожить до зрелости, чем дети бедняков⁵⁴. И все же маловероятно, чтобы эти особенности европейской демографии объясняли разницу в положении Востока и Запада. Сейчас есть страны, жизнь в которых почти столь же бедственна, как и в средневековой Англии, и где из-за голода, мора, войны и насилия средняя продолжительность жизни ничтожно мала, где долго живут лишь богатые. Опыт Афганистана, Гаити и Сомали показывает, что эти обстоятельства отнюдь

^{*} Пер. М. Донского. – *Прим. пер.*

⁵¹ Pinker *Better Angels*.

⁵² Castor *Blood and Roses*.

⁵³ Fogel *Escape from Hunger*, tables 1.2, 1.4.

⁵⁴ Clark *Farewell to Alms*.

не благоприятны. Далее мы увидим, что Европа совершила рывок к процветанию и могуществу вопреки смерти и гладу, а не благодаря им.

Ученым и читателям стоит помнить о смерти. «Триумф смерти», шедевр Питера Брейгеля Старшего (1525–1569), разумеется, не отражал действительности, однако художнику не пришлось и изобретать от начала до конца тошнотворную картину смерти и разрушений. Землю наводнили воинственные скелеты. На переднем плане мертвый король, чьи сокровища уже бесполезны, а рядом собака грызет труп. Вдали двое повешенных, четверо колесованных и еще один, которого вот-вот обезглавят. Армии сражаются, дома горят, корабли идут на дно. Мужчин и женщин, молодых и старых, военных и гражданских, гонят в узкий тоннель. Никто не получит пощады. Даже трубач, воспевающий свою возлюбленную, обречен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.